группа Крылова шла по пути, указанному русскими просветителями — Новиковым и Фонвизиным.

Вслед за Новиковым,[17] который требовал от драматурга пьес, заключавших нравоучения и примеры, к «подражанию народному годные», и Крылов хочет, чтобы на сцене можно было видеть не одних царей и вельмож, но людей различных сословий и состояний: слугу, купца, хлебопашца. Тем более, что «и самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть названным честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья».[18]

Плавильщиков как бы продолжает эту мысль, обращаясь к русским сочинителям, которые не могут в России найти героев для своих трагедий и комедий: «Куда девали вы купцов, приказных, мастеровых и все среднее состояние? Разве они недостойны театра?».[19] Не «тающая Дидона» или «беснующийся Ярб», а Кузьма Минин, князь Пожарский послужили бы «совершенным училищем, как должно любить отечество»,[20] — утверждает Плавильщиков.

В своем требовании демократизации русского репертуара критики крыловской группы исходили из положения, что источником всякого рода искусства должна быть «сама природа» и «свое обыкновение». Вопреки желанию «многих сочинителей», считавших, что «российский крепостной слуга будет низок на театре», они советовали драматургам представлять в пьесах крепостного «в собственном его виде».[21] Требование естественности, жизненной правдивости сценических положений было главным в их программе. Вот почему строгий к себе и своим единомышленникам Крылов критиковал Клушина за то, что тот, поддавшись установившейся традиции, несколько «оглупил» слугу в комедии «Смех и горе», отошел от природы. По ходу действия драматург заставляет слугу переодеваться в женское платье «в комнате, через которую весь свет проходит». «Если бы в самой вещи ‹т. е. в действительности, — *И. К.*›, — пишет Крылов, — случилось такое переодевание, то бы, конечно, слуга не выбрал к тому прохожей комнаты».[22]

Но в целом, несмотря на отдельные промахи, Клушин достигает большой верности в изображении слуг даже в пределах той возможности, которую представляли каноны классической

---

[17] «Кошелек», 1774, лист шестой.
[18] «Почта духов», ч. II, письмо XXIV, стр. 179.
[19] «Зритель», 1792, ч. III, сентябрь, стр. 49—50.
[20] Там же, ч. II, июнь, стр. 129.
[21] Там же, ч. III, октябрь, стр. 135.
[22] «С.-Петербургский Меркурий», 1793, ч. I, февраль, стр. 122.